

ПАМЯТИ Т. А. ГУРИЕВА

ЖИЗНЬ В НАУКЕ

Е. Б. Бесолова

Имя Тамерлана Александровича Гуриева широко известно в научных кругах России и за рубежом. Ученый, оставивший яркий след в осетиноведении, — неординарная личность, пример бескорыстного служения науке. Доктор филологических наук, профессор Тамерлан Александрович Гуриев — ученый-энциклопедист, тонкий исследователь осетинского языка, литературы, фольклора, переводчик, публицист, критик, автор художественных произведений. Статья содержит научно-творческий портрет профессора Т. А. Гуриева, созданный на обстоятельных данных о жизни и творчестве, составляющих интеллектуальный облик большого ученого и признанного организатора науки. И статья, и приводимые примеры — убедительные свидетельства реального признания вклада профессора в осетиноведение и отечественную науку. Гуриев являлся ученым с необыкновенной шириной исследовательского диапазона, глубоким пониманием внутренней структуры языка и страстным поборником национальной школы; активно пропагандировал национальный язык, считая его основной индивидуальностью народа. Родной язык, по мнению профессора, выражает склад его мыслей и чувств, поэтому для его сохранения в семье и школе необходимо вести обучение детей на начальном этапе на осетинском языке. Процесс изучения языков должен протекать последовательно и органично: от родного — к кавказским языкам, от исследования их структур — к теоретическим проблемам языкознания. При сравнении языков необходимо искать общие свойства сопоставляемых объектов, в основе которых лежат ментальные механизмы, семантические особенности и когнитивные параметры. Гуриеву-автору были характерны широта лингвистического видения, глубокое проникновение в конкретные факты языка, тонкое разрешение актуальных теоретических и практических проблем.

Ключевые слова: осетиноведение, кавказоведение, перевод, двуязычие, лексика, лексикология.

The name of Tamerlan Alexandrovich Guriev is widely known in scientific circles of Russia and abroad. The scientist, who left a bright trace in Ossetian studies, is an extraordinary personality, an example of selfless service to science. Doctor of Philology, Professor Tamerlan Alexandrovich Guriev — scientist-encyclopedist, fine researcher of the Ossetian language, literature, folklore, translator, publicist, critic, author of art works. The article contains a scientific and creative portrait of Professor T. A. Guriev, created on the detailed data on life and creativity, which make up the intellectual appearance of a great scientist and recognized organizer of science. Both the article and the given examples are convincing evidence of a real recognition of the professor's contribution to Ossetian studies and Russian science. Guriev was a scientist with an extraordinary breadth of the research range, a deep understanding of the internal structure of the language and a passionate champion of the national school; actively propagandized the national language, considering it the main individuality of the people. The native language, according to the professor, expresses the storehouse of his thoughts and feelings, therefore, for his preservation in the family and school, it is necessary to teach children at the initial stage in the Ossetian language. The process of studying

languages should proceed consistently and organically: from native — to the Caucasian languages, from the study of their structures — to the theoretical problems of linguistics. When comparing languages, it is necessary to search for common properties of the objects to be compared, based on mental mechanisms, semantic features and cognitive parameters. Guriev-author was characterized by the breadth of linguistic vision, deep penetration into specific facts of the language, a subtle resolution of actual theoretical and practical problems.

Keywords: Ossetian studies, Caucasian studies, translation, bilingualism, vocabulary, lexicology.

Жизнь профессора Т.А. Гуриева, на первый взгляд, обыкновенна, обыденна, обусловлена советской действительностью и постсоветскими метаморфозами.

По природе Тамерлан Александрович был счастливым человеком. Всевышний благоволил к нему, да и судьбой он обласкан был не единожды. Удачная женитьба на любимой женщине — очаровательной Елизавете Азаматовне Тулатовой; затем успешная защита кандидатской диссертации по проблемам инноваций в осетинском языке, на материале которой впоследствии пишется множество работ; нежданная встреча с академиком Арнольдом Степановичем Чикобава, определившим научное будущее молодого преподавателя кафедры английского языка СОГПИ.

Истинный дар судьбы, отеческое внимание и научная прозорливость академика воздались сторицей: в 1998 г., в знак признания вклада в развитие кавказского языкознания, профессору Гуриеву вручается международная премия им. Арнольда Чикобава на торжествах в связи со столетним юбилеем выдающегося ученого. На международном симпозиуме Тамерлан Александрович выступил с докладом «Субстрат: некоторые вопросы теории и практики», вызвавшим бурную дискуссию.

Признание пришло и со стороны: Тамерлан Александрович командировается в Монголию экспертом департамента образования ЮНЕСКО. Помимо прямых обязанностей, молодой ученый с головой уходит в сферу алано-монголь-

ских отношений, для чего с интересом изучает историю, язык и фольклор монголов. Собранный материал ложится в основу докторской диссертации под названием «Отражение монгольских влияний в эпосе и языке алан (осетин)», успешно защищенной в 1971 г. в Институте востоковедения АН СССР. С этого времени «нартовская» тема становится основной в его творчестве.

Гипотеза о заимствовании аланами в период татаро-монгольского нашествия на Аланию мифологической части монгольской генеалогической легенды о происхождении «золотого рода Чингисхана», выдвинутая Гуриевым в работе, до сих пор вызывает у нартоведов неоднозначную реакцию [1, 267-273].

С 1982 г. Тамерлан Александрович плодотворно сочетает научно-исследовательскую и педагогическую работу с общественной: возглавляет отдел языка в СОИГСИ, воспитывает кадры в СОГУ, готовя молодых специалистов для нужд республики, неустанно способствует их научному росту. Сегодня его ученики работают в научно-исследовательских и образовательных сферах, вносят посильный вклад в отечественную науку, культуру и просвещение. Молодежь всегда окружала профессора своей теплотой и уважением, прислушивалась к его мнению, а он щедро делился своими знаниями, открывая им путь в науку. Таким образом, ученый-педагог Гуриев обучал, руководил, оппонировал, рецензировал, консультировал, советовал, представлял работы на защиты. Научная интеллигенция высоко цени-

ла интеллект ученого, который во всем стремился к выяснению и утверждению истины.

Книги об ученых, внесших крупный вклад в осетиноведение, — В.И. Абаеве, изданной к 100-летию его рождения [2], и французском ученом-нартоведе Жорже Дюмезиле «Лик бессмертного» [3] — привлекают не только тонкостью анализа работ, фокусируя внимание читателя на логике изложения концепций, но и учат молодых исследователей корректному ведению полемики, аргументированному отстаиванию своих взглядов.

Запомнились строки о том, что «страницы биографии ученых заполняются не датами и бурными событиями», а подвигами, которые обычно совершают они за рабочим столом в тиши кабинета»; «научную мысль двигают не люди со степенями и званиями, а ученые-романтики»; «увлеченность романтиков, помноженная на социальную активность, создает атмосферу научного поиска» [3, 8].

В область научных и творческих интересов профессора входили различные проблемы осетинского языка, осетинской литературы и фольклора; а также теории и практики перевода; лексикологии и лексикографии; грамматики и стилистики; ономастики и культуры осетинской речи; общего языкознания и английской филологии, и др.

Гуриев являлся ученым с необыкновенной широтой исследовательского диапазона, глубоким пониманием внутренней структуры языка и страстным поборником национальной школы. По его мнению, национальный язык есть основная индивидуальность народа, выражающая склад его мыслей и чувств, поэтому для сохранения осетинского языка в семье и школе рекомендовал вести обучение детей на начальном этапе на родном языке.

В большинстве докладов сегодняшнего научного форума анализировались в основном монографии Гуриева; мы же решили остановиться на отдельных статьях, характеризующих разностороннюю личность ученого.

В частности Тамерлан Александрович не раз писал и говорил о необходимости систематизации всего комплекса научных сведений по истории осетинского языка для определения этапов его эволюции. Систематизация успешно выполнена проф. Т.Т. Камболовым [4].

Впервые Гуриев детально описал монголизмы и грецизмы в осетинском (аланском) языке [5; 6]; обосновал иранское происхождение этнонима *iron* [7, 122-125].

В профессоре Гуриеве органично сочетались качества пытливого ученого-исследователя и талантливого преподавателя. Думаем, что последним качеством, скорей всего, можно мотивировать ряд научно-методических работ ученого: к примеру, «К проблеме перевода произведений А.С. Пушкина на осетинский язык»; «К методике изучения ономастики эпоса»; «Ныхасы культураы хицаен фарстатæ»; «Архаизмы стилистика æмæ тæлмац»; «Стилистика собственных имен и перевод»; «К проблеме интернационализации осетинской лексики», «Об одном орфографическом казусе» и др. В помощь студентам и преподавателям был издан (в соавторстве) учебник «Нырыккон ирон æвзаджы лексикологи» [8]. Из десяти глав книги восемь написаны Тамерланом Александровичем Гуриевым. Добротный теоретический материал относительно семантической системы языка, этимологического строения осетинской лексики, ее стилистических пластов и других острых проблем осетинского языкознания удачно увязан с эмпирическим.

Тезисы доклада профессора Гуриева «Следы греко-скифских (аланских) контактов» на научной конференции «Вопросы иранистики и алановедения», посвященной 90-летию Абаева, привлекли внимание анализом эпиграфических материалов. Согласно выкладкам Тамерлана Александровича, интенсивные греко-скифские контакты отложились греческими финалами в иранских именах, в надписи на Зеленчукском надгробном памятнике, а также в мифологии — сходством сюжетов и совпадениями имен и образов. По мнению ученого, специального рассмотрения требуют проблемы, связанные с хронологической стратификацией и тематикой заимствований [6, 21-22].

В межвузовском сборнике «Осетинская филология» опубликована статья Гуриева «К проблеме превосходной степени в осетинских прилагательных», в которой говорится о том, что проблема степеней сравнения прилагательных разработана в лингвистической литературе явно недостаточно, да и сам факт наличия положительной степени ставится им под сомнение [9, 56-61]. Ученый обосновывает данное замечание тем, что нет соответствующей градации степеней сравнения, которые отражали бы все ступени по восходящей, а для этого необходимо выработать строгие научные критерии к продолжению упомянутой градации. Профессор заявляет, что в современном осетинском языке границы между сравнительной и превосходной степенями весьма нечетки, расплывчаты; это порождает и различные подходы и характеристики всего того, что лежит за пределами простой сравнительной степени [9, 56].

Особого внимания заслуживают случаи отклонения от правил образования сравнительной степени, превос-

ходной степени осетинских прилагательных, а также явление супплетивизма и мн. др., а также мысли ученого о конструкциях изафетного типа, обладающих своеобразным статусом и специфичностью употребления.

Автор статьи предостерегает: все то, что лежит за пределами сравнительной степени, нельзя считать формой превосходной степени [9, 59]. Статья может быть полезна и в практике преподавания.

В 80-е гг. прошлого века отдел осетинского языкознания под руководством профессора Гуриева работал над сбором лексического материала для четырехтомного осетинско-русского словаря; разрабатывал вопросы исторической ономастики, выявлял роль и значение тюркизмов в осетинском языке и т.д.

В апреле 1989 г. под руководством проф. Гуриева силами сотрудников отдела была проведена Всесоюзная научная конференция, на которой учеными Армении, Москвы, Таджикистана, Грузии и республик Северного Кавказа рассматривались вопросы иранской ономастики. Сотрудники отдела Т.А. Гуриев, Е.Б. Бесолова и З. Тотрова ознакомили участников конференции со своими докладами. Материалы конференции, подготовленные к печати в Москве, в связи с перестройкой остались, к сожалению, неопубликованными.

С 1980-х гг. отдел осетинского языкознания начал издавать сборники научных статей: «Проблемы осетинского языкознания», «Ирон ныхасы культурæ» («Культура осетинской речи») с публикациями в помощь школе, а последний со временем был переименован в «Ирон ныхасы культурæ æмæ стилистикæ» («Культура и стилистика осетинской речи»). Материалы сбор-

ников разнообразны, интересны, дают базу для размышлений, имеют практическую направленность.

В сборнике «Культура и стилистика осетинской речи» (2001) нас заинтересовали три публикации профессора Гуриева.

В первой — «Литературон номы стилистикайы тыххæй цалдæр фиппаинаджы» («Несколько замечаний о стилистике литературного имени») — ученый пишет о том, что в литературном произведении каждое слово имеет свою особую задачу, над каждым довлеет своя стилистическая нагрузка [10, 4]. Имя литературного персонажа тоже слово, но между именем и словом — много различий, да и стилистическое воздействие их неодинаково.

Далее автор на конкретных примерах рассматривает, какое место занимает имя литературного персонажа в творчестве осетинских писателей, постепенно подводя к выводу о том, что образ литературного героя «строят» различные компоненты, из которых главное — имя. У каждого имени своя стилистическая сила, и, чтобы прочувствовать ее, необходимо знать не только полный текст произведения, но и то, что имя каждого литературного персонажа связано с определенными историческими событиями. Если откинуть эти обстоятельства, то «рассыплется» и образ литературного героя [10, 15].

Во второй статье «Стилистика архаизмов и перевод» с подзаголовком «Несколько замечаний» [11, 83-88] речь идет о том, что и в культуре речи, и в стилистике художественных произведений у архаизмов есть свое, основное предназначение. Автор замечает, что некоторые ученые, к примеру, Гвоздев, жалуются на то, что до конца нельзя определить, что такое архаизмы, но все-таки в лексике этот пласт легко от-

личается от других, в особенности при разборе отдельного текста [11, 83].

В статье отмечается, что каждый по-своему воспринимает отдельное слово — мотивируется это опытом и душевными качествами человека. Проявляется данный факт при исследовании отдельных проблем синонимии, определении воздействия метафоры, разборе архаизмов и др.

Автор работы заключает, что из года в год роль и значимость переводов растет, а это требует от переводчиков кропотливой и внимательной работы. Мы должны использовать все возможности нашего родного языка, чтобы в написанных на других языках произведениях при переводе сохранить и передать полностью их содержание и стилистическую выразительность.

В третьей статье «Цалдæр этюды» («Несколько этюдов») [12, 97-124] Гуриев в первом этюде «Къостайы æмдзæвгæ кæсгæйæ» («Читая стихотворение Къоста») [12, 97-99] проанализировал стихотворение К.Л. Хетагурова «Мæгуыры зæрдæ» («Сердце бедняка»). Он разглядел ошибку в редакции третьей строки четверостишия и его переводе. В кратком выводе профессор пишет о том, что переводчик правильно понял основную мысль стихотворения и предлагает выправить его текст по требованиям текстологии [12, 97-99].

Во втором этюде «Куыд растдæр у — телефон æви тилифон?» («Как правильней — телефон или тилифон?») [12, 99-103] Гуриев пишет о том, что для решения вопросов орфографии заимствованных слов следует учитывать орфоэпические нормы языка, а также о том, что наблюдаются различные написания заимствованных из русского языка слов и писателями, и учеными.

Мы не будем останавливаться на вопросе «Т.А. Гуриев — исследователь

осетинской литературы». Хотелось бы лишь раскрыть понимание ученым проблем художественного перевода, показать, как он исследует вопросы оригинала и перевода, языка и стилистики на фактическом материале. Проанализировав особенности творческого метода переводчиков, выявляет их недостатки и заявляет: «...для того, чтобы переводить, недостаточно одного лишь поэтического таланта. Переводчик должен чувствовать тонкие повороты оригинала, очень хорошо знать... особенности жизни народа, условия и место действия, понимать настроение души поэта, стилистические особенности его произведений, их фонетическое построение, мелодичность, интонацию» [13, 128].

В работах «Архаизмы А.С. Пушкина в осетинских переводах» [14, 28-29] и «К проблеме перевода произведений А.С. Пушкина на осетинский язык» [15, 29-30] на материале переводов поэзии и прозы великого русского поэта на осетинский язык выявлена сложность и зависимость перевода от ресурсов языка, на который он осуществляется. Профессор Гуриев на конкретных переводах показал, что степень и характер трудностей зависит от средств передачи содержания, которые также меняются. К примеру, он предложил ввести в текст сказок Пушкина для сохранения их архаики и для передачи значений пушкинских архаизмов устарелые слова и формы осетинского языка.

Б.Р. Хозиев сетует, что профессор так мало пишет о классиках осетинской литературы. По его мнению, Тамерлан Александрович обладает обостренной интуицией, ненавязчивым чувствованием, творческим и критическим мышлением, тонким языковым чутьем: «Основное стилевое средство Т.А. Гуриева — редукция, сокращение, отказ от ме-

тафор и эпитетов. У него обостренное чутье на избыточность литературного высказывания; он мастерски владеет искусством вычеркивания «лишнего», оставляя общие места. Но именно от них, этих общих мест, исходит необъяснимое очарование. По мнению критиков, оно таится в «пространстве между фразами». Вызов и протест таятся не в словах и предложениях, а как бы между ними. Таким образом, Т.А. Гуриев пытается осмыслить взаимосвязи между природой художественного творчества и закономерностями бытования литературы в обществе, особенностями ее воздействия на читательское сознание» [16, 44].

В 1984 г. увидел свет первый выпуск задуманного профессором Гуриевым сборника «Проблемы осетинского языкознания», в котором внимание читателей привлекла его совместная с Д.К. Карамшоевым статья: «Осетинское “дон” и памирское “арДан”/“арДон”» [17, 3-6]. Из нее вытекало, что в памирском лингвистическом регионе некогда существовали две лексемы для обозначения понятия руки и ее частей. Наряду с широко известным *дуст/дуст* из др.ир. *dasta* ‘рука’ в шугнано-рушанской группе самостоятельно бытовало слово *арм* из **arema*, о чем свидетельствует наличие *-ерн* | *-ерн* в составе сложных слов: шугн. *вихо-ерн*, руш., хуф. *хир-ерн* ‘локоть’.

Сопоставление памирского *арДан/арДон* с осетинским *арм* ‘рука’, ‘локоть руки’ и принадлежность формы *арДан* к группе слов женского рода, а формы *арДон* — к мужскому выявило, что возможно закрепить значение ‘рукав реки’, ‘приток реки (речки), арыка’ за рассматриваемым словом. Это типологически и семантически соответствует таджикскому *шохоб* ‘рукав реки’, осетинскому *доны къабаз* [17, 6].

В «Этимологических заметках» [18, 239-243] Тамерлан Александрович останавливается на происхождении группы слов со значением «орудия труда», имеющих принципиальное значение для истории и языка народа. Это слова: *фæрæт* 'топор', *сухы цагъд* 'полное и безжалостное истребление', *дзæбуг/дзæбокаæ* 'молот', 'молоток'.

В другой статье «Ирон антропонимии ахсджаг фарста» («Основные вопросы осетинской антропонимии») [19, 53-57] Гуриев затрагивает вопросы, связанные с формами осетинских фамилий. Рекомендация такова: для наведения порядка с написанием и формами осетинских фамилий, необходимо поработать и издать такой труд, в котором, предлагает ученый, будут собраны все осетинские фамилии с формами на *-ан/-он* [19, 56].

Во втором выпуске сборника «Проблемы осетинского языкознания» вызывает интерес статья «Из истории осетинского языкознания» [20, 3-22]. Из нее узнаем, что уже в работах, изданных до Октябрьской революции, получили достойное освещение такие проблемы, как место осетинского языка в системе индоевропейских языков; определение осетинского языка как прямого потомка древних скифо-сарматских наречий; этимологический состав лексики осетинского языка; а также некоторые вопросы исторической фонетики, осетинской грамматики, генеалогии и др.

В материалах Международной научной конференции «Осетиноведение: история и современность» привлекают внимание тезисы статьи «Этимологический состав имен аланов-асов китайских летописей» [21, 36-37], из которых явствует, что часть аланской феодальной верхушки стала союзником правителей Золотой Орды и участвовала в различных кампаниях на стороне врага.

Чингисиды использовали военную силу алан для укрепления своих позиций на Кавказе, а часть алан вошла в состав монгольской армии. Таким образом, к середине XIII в. позиция влиятельных аланских правителей, оказавшихся в разных лагерях врага, имела «пагубные последствия» для самой Алании, но в «монгольском искусстве ведения войны» аланские традиции сыграли важную роль.

Гуриев подробно останавливается на именах алан-асов из китайских летописей. Имя сына хана Мункэ *Асутай* связывают с этнонимом алан-асов, одного из аланских правителей, состоящих на службе чингисидов. Имена *Ангху-се* или *Ханг-ху-се* соотносят с названием царствующего рода *Алгъуз*. Часть аланских предводителей имела «явно христианские» имена: *Елия*, *Никола*, *Иоанн*, *Димидир*, а также иранские — *Матарша*, *Арс(е)лан*, *Асаген* и др., что, по мнению профессора, «свидетельствует о том, что аланы-асы XIII-XV вв. придерживались разных религиозных взглядов» [21, 37].

Судьба перешедших алан, «выходцев из Северного Кавказа», плачевна: они «смешались с другими народами и были ассимилированы». Среди монгольских племен первым называют *асут*, принадлежащего к правому крылу монгольского народа, живущего в восточной части Монголии и сохраняющего свое этническое название *асут* — *отог* [21, 37].

В статье Гуриева под названием «По следам одного слова-мигранта» [22, 108-112] подвергается сомнению «субстратность» слова *бæх*. Профессор тщательно обосновывает, почему оно является исконно аланским, осетинским.

Ареал распространения термина *бах/бæх* подвел как И.Г. Добродомова, так и Т.А. Гуриева к мысли: в русские

говоры он попал из языка аланского племени буртасы, в котором слово считалось тюркизмом, но именно в аланском приняло форму *бах/бæх*. И далее: «...первоначальное значение аланского *бæх* было “кляча”, что говорит о том, что *бæх* «лошадь-кляча» не была породистым животным, а выполняла “повседневные хозяйственные работы”» [22, 109-110].

В статье Гуриева под названием «Об одном орфографическом казусе» [23, 185-188] предпринята попытка показать, что образ древнего нарта (*рагон н æртон л æг*) и последнее слово второй строки оригинала по вине составителей подстрочника неверно трактуются в переводах. Выход, по мнению профессора, один: данное стихотворение необходимо перевести заново, чтобы оно получило свое подлинное глубоко социальное звучание [23, 188].

В одной из статей профессора Гуриева процесс интернационализации словарного состава осетинского языка объясняется насущными потребностями общественно-политической и культурной жизни общества [24, 114-127].

Автор акцентирует внимание на связи появления новых слов в языке с определенными потребностями выражения или обозначения.

Многим заимствованиям досоветского периода характерны, по мнению автора статьи, черты семантического синкретизма, или полисемантизма (*дохтыр*, *кæулер*, *студент* и др.). Этот полисемантизм обусловлен их отношением к культурному фонду, и точное содержание заимствованных слов вначале ускользало от массы неграмотного населения (ср.: *кæулер* ‘курьер’ обозначало любого посыльного, *дохтыр* ‘доктор’ — любого медицинского работника, *студент* ‘студент’ и др.). «...В конечном счете, содержание культуры

осетинской речи, как и любой другой, тесно связано с традицией и потребностями данной нации и определяется общими задачами национально-культурного и языкового строительства, — продолжает Гуриев. — <...> с развитием массового осетинско-русского двуязычия происходит обратный процесс — *коррекция* семантики этих слов с семантическим содержанием их в русском языке» [24, 119].

Но в советское время, пишет профессор, с развитием массового осетинско-русского двуязычия наблюдаются отдельные отклонения в семантике интернациональных слов в сторону сужения; очень редки случаи сдвига значений. Интернациональные слова входят в осетинскую лексику в своих основных значениях [24, 120].

Особо останавливается Гуриев на процессе обогащения осетинской лексики за счет калек, поясняя, что русские слова иностранного происхождения заимствуются осетинским языком, но не калькируются.

Большинство созданных в советское время слов, отражавших новые понятия, не были калькированы. Часть из них подверглась фонетическим изменениям согласно фонетическим законам осетинского языка; в процессе усвоения значительного количества интернациональных слов осетинский язык обрстал новыми префиксами, суффиксами, причем усвоенные интернациональные аффиксы принимали самое активное участие в образовании новых слов на базе своих национальных ресурсов [24, 123].

Нельзя обойти вниманием и рецензии Гуриева. К примеру, в рецензии на книгу Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского «От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев» обосновывается внимание специалистов гума-

нитарных наук к вопросам скифо-сарматологии: именно осетины являются прямыми потомками скифо-сарматов по языку и культуре [25, 132-136].

В рецензии разъясняется, почему книга, посвященная вопросам древнего культурного наследия и связей скифо-сарматских племен с индийскими племенами, с которыми некогда составляли один арийский народ, вызвала исключительный интерес у читателей. Глубокая научность, широкий охват разных сторон поставленной проблемы, популярность изложения и превосходное оформление [25, 133] — вот перечень далеко не полных отличительных черт издания, делающих его привлекательным.

Ценность монографии видится рецензентами в совокупности таких данных, как археология, мифология, сравнительное языкознание, а также сведений древних авторов, материалов эпических произведений индийцев и мн. др. В разделе «Миф и действительность» акцентируется внимание читателей на использовании термина «арии» только для обозначения индоиранских племен и народов [25, 14]. В разделе «Скифы, сарматы, аланы, осетины» можно вычитать, что осетинский язык сохранил слова, служащие базой для заключений о языке скифов, что еще В. Ф. Миллер пришел к выводу об особой близости «языка скифо-сарматских племен к осетинскому — одному из современных иранских языков [25, 22]. Небезынтересен факт, что в эпосе осетин «Нарты» прослеживаются «многие черты, отражающие религиозные и мифологические представления, конкретные особенности быта и традиционных обычаев скифов» [25, 24], что греческое влияние нашло рельефное отражение в скифской культуре — материальной и духовной. Но

и примеры «влияния скифской культуры на эллинский мир были весьма заметными», считают авторы книги [25, 59]. По их же мнению, наиболее ранние свидетельства греко-римских связей восходят к VII в до н.э. — времени миграции значительных масс скифов в Восточную Европу.

Наиболее познавательны, по мнению рецензента, сведения относительно древнейших контактов ариев и финно-угорских племен, которые сохранились в лексике контактировавших племен.

Рецензенты подчеркивают значимость книги для работающих в области древней истории в плане стимулирования научных поисков.

Интересна рецензия Гуриева на книгу З.Д. Цховребовой «Топонимия Южной Осетии в письменных источниках» [26, 136-137]. В монографии засвидетельствован богатый материал по топонимии современной Южной Осетии, зафиксированный в различных письменных источниках — грузинских как наиболее древних, работах русских и иностранных ученых и путешественников, а также осетинских — с древнейших времен по 30-е гг. XX в.

Цховребова поставила перед собой задачу собрать воедино такой материал, который окажется «полезным и нужным для исследования топонимии Южной Осетии». Выявление богатого топонимического материала вековой давности и установление локализации этих топонимов, по ее мнению, способствует «правильному пониманию процесса формирования топонимии как Южной, так и Северной Осетии и даже других районов Центрального Кавказа» [26, 7].

Гуриев подробно анализирует содержание книги, состоящей из введения и трех глав и заключения.

В первой главе даны топоними-

ческие названия Южной Осетии, выявленные из грузинских источников: «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), «Памятник эриставов» и из работы Вахушти «Описание царства грузинского». В главе приводятся грузинские формы названий, цитаты из соответствующих источников, а также прослеживается судьба некоторых названий со времени Леонтия Мровели (XI в.), которому приписывается составление хроники «Жизнь картлийских царей». С этой хроники, по словам Г.В. Цулая, начинаются все известные до сих пор списки свода средневековых грузинских хроник «Картлис цховреба».

Профессор Гуриев считает, что попытка Цховребовой выявить и зафиксировать полную номенклатуру географических названий и установить координаты населенных пунктов, которых уже нет или которые известны в настоящее время под другими названиями, заслуживает всяческой похвалы.

Получила заслуженное одобрение и вторая глава монографии, озаглавленная «Топонимы Южной Осетии в русских и иностранных источниках». Сюда вошли названия, встречающиеся в сочинениях И. Гюльденштедта, Г.Ю. Клапрота, К. Коха, В. Пфафа, К. Гана. Все названия почерпнуты из текстов на русском языке. В них имеются неизбежные искажения осетинских названий, иногда довольно значительные. Автор монографии приводит в таких случаях правильные формы названий и локализует их.

Третью главу «Топонимы Южной Осетии в осетинских источниках» автор посвящает фактически недавним публикациям. Из раздела читатель узнает, какие усилия были приложены для систематизации и унификации топонимических названий Южной Осетии в советское время. В этой же главе автор монографии приводит списки старых и новых названий населенных пунктов, здесь же дается русская транслитерация тех же названий.

Профессор Гуриев, сожалея о недостаточности использованных источников, в то же время заключает, что и в таком виде монография Цховребовой является ощутимым вкладом в топонимию и вызывает большой интерес у специалистов.

В заключение отметим, что, ограниченные объемом, мы рассмотрели лишь отдельные публикации Гуриева, и они подвели нас к выводу о том, что их автора характеризуют широта лингвистического видения, глубокое проникновение в конкретные факты языка, тонкое разрешение актуальных теоретических и практических проблем.

Язык понимался профессором Гуриевым как основной инструмент познания. Изучение языков, по мнению ученого, должно соответствовать следующей последовательности: от родного (осетинского) языка — к кавказским, а от исследования их структур — к теоретическим проблемам языкознания.

1. Гуриев Т. А. Нартовский эпос и проблема этногенеза осетин // Этногенез и этническая история осетин: Материалы международного научного конгресса (Владикавказ, 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. С. 267-273.
2. Гуриев Т. А. Василий Иванович Абаев (К 100-летию со дня рождения). Владикавказ, 2000.
3. Гуриев Т. А. Лик бессмертного: Жорж Дюмезиль. Владикавказ, 2004.
4. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка: учебное пособие для вузов. Владикавказ, 2006.
5. Гуриев Т. А. К характеристике монголоизмов в осетинском (аланском) языке // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 80-92.
6. Гуриев Т. А. Следы греко-скифских (аланских) контактов // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ, 1990. С. 21-22.
7. Гуриев Т. А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина *ir* // Сборник избранных статей/Под ред. канд. филол. наук, доц. З. Б. Джераповой. Владикавказ, 2010. С. 18-20.
8. Гуриев Т. А., Габараев Н. Я., Исаев М. И. Нырыккон ирон æвзадзы лексикологии. Орджоникидзе, 1989. (на осет. яз.)
9. Гуриев Т. А. К проблеме превосходной степени в осетинских прилагательных // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1984. С. 56-61.
10. Гуриев Т. А. Литературон номы стилистикайы тыххæй цалдæр фиппаинадзы// Ирон ныхасы культура æмæ стилистика. Дзæуджыхъæу, 2001. С. 4-15. (на осет. яз.)
11. Гуыриаты Тамерлан. Архаизмты стилистика æмæ тæлмац // Ирон ныхасы культура æмæ стилистика. Дзæуджыхъæу, 2001. С. 83-88. (на осет. яз.)
12. Гуыриаты Тамерлан. Цалдæр этюды // Ирон ныхасы культура æмæ стилистика. Дзæуджыхъæу, 2001. С. 97-124 (на осет. яз.)
13. Гуыриаты Тамерлан. Малиты Георгийы сфæлдыстад уырыссаг тæлмацты (цалдæр фиппаинадзы) // Ирæф. 1996. № 3. С. 117-129. (на осет. яз.)
14. Гуриев Т. А. Архаизмы А. С. Пушкина в осетинских переводах // Пушкин и Кавказ: история и современность: Тезисы межвузовской научно-практической конференции (Пятигорск, 28-29 мая 1999 г.). Пятигорск, 1999. С. 28-29.
15. Гуриев Т. А. К проблеме перевода произведений А. С. Пушкина на осетинский язык // Пушкин и Кавказ: история и современность: Тезисы межвузовской научно-практической конференции (Пятигорск, 28-29 мая 1999 г.). Пятигорск, 1999. С. 29-30.
16. Хозиев Б. Р. Тамерлан Александрович Гуриев: научно-творческий портрет/Под ред. докт. филол. наук, проф. З. Б. Дзодзиковой. Владикавказ, 2013.
17. Карамшоев Д. К., Гуриев Т. А. Осетинское «дон» и памирское «арДан» // «арДон» // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып. 1. С. 3-6.
18. Гуриев Т. А. Этимологические заметки: Сборник избранных статей/Под ред. канд. филол. наук, доц. З. Б. Джераповой. Владикавказ, 2010. С. 239-243.
19. Гуыриаты Тамерлан. Ирон антропонимийы ахсджиаг фарста: Сборник избранных статей/Под ред. канд. филол. наук, доц. З. Б. Джераповой. Владикавказ, 2010. С. 53-57 (на осет. яз.).

20. Гуриев Т. А. Из истории осетинского языкознания // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2. С. 3-22.
21. Гуриев Т. А. Этимологический состав имен алан-асов китайских летописей // Осетиноведение: история и современность: Первая международная научная конференция (Владикавказ, 12-18 октября 1991 г.). Владикавказ, 1991. С. 36-37.
22. Гуриев Т. А. По следам одного слова-мигранта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики/Под ред. канд. филол. наук, доц. Т.Ю. Тамерьян. Владикавказ, 2005. Вып. VII. С. 108-112.
23. Гуриев Т. А. Об одном орфографическом казусе: Сборник избранных статей/Под ред. канд. филол. наук, доц. З.Б. Джераповой. Владикавказ, 2010. С. 185-188.
24. Гуриев Т. А. К проблеме интернационализации осетинской лексики // О единстве интернационального и атеистического воспитания: Сборник научных статей. Орджоникидзе, 1983. С. 114-127.
25. Гуриев Т. А., Тулатова Е. А. Рец. на кн.: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974 // Осетинская филология. 1977. Вып. 1. С. 132-136.
26. Гуриев Т. А. Рец. на кн.: Цховребова З. Д. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси, 1979 // Осетинская филология. 1981. Вып. 2. С. 136-137.